

ДО РАССВЕТА ТЕБЯ ЗАБУДУТ

ДАНИИЛ РОМАНОВ

Даниил Романов

До рассвета тебя забудут

«Автор»

2026

Романов Д.

До рассвета тебя забудут / Д. Романов — «Автор», 2026

В Вереске каждую ночь в 03:17 исчезает один дом. К утру город забывает и его адрес, и людей, которые в нём жили. Архивистка Вера Громова видит, как пропадает дом её знакомой. На следующий день ей говорят: такого дома никогда не было. Только старый план и несколько записей доказывают, что она не сошла с ума. Помочь Вере может Лев — человек, которого после каждой ночи перестают узнавать. Он умеет находить исчезнувшие улицы, но скрывает, почему искал именно её. Пока Вера собирает свидетельства и заново учится ему доверять, за пустыми адресами остаются живые люди. До следующего исчезновения — считанные часы. Чтобы вернуть их, нужно раскрыть тайну городской книги. Но как положиться на человека, которого завтра ты можешь не вспомнить?

© Романов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дом, которому некуда исчезнуть	5
Глава 2. Человек без графы	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Даниил Романов

До рассвета тебя забудут

Глава 1. Дом, которому некуда исчезнуть

На плане не хватало домов.

Вера развернула копию межевого плана. Сумма площадей застройки внизу листа была больше, чем выходило по нарисованным домам. Днём она проверила сложение дважды. Теперь сверяла лист с улицей. Ограды, промежутки между стенами — всё на месте. Лишняя площадь приходилась на пустые участки.

На телефоне было 02:45. Дождь садился на бумагу мелкими точками. В такое время ошибку хотелось приписать собственным глазам.

Из архива надо было уйти вечером, но оказалось проще закончить срочную опись, чем утром заново искать сбой. А когда закончила, пришлось вспомнить обещание.

«Вы после двух придите, — сказала посетительница. — Днём там слушать нечего».

Вера обещала зайти, если задержится. Оговорку женщина пропустила мимо ушей.

Номер 8 висел над звонком: синяя эмаль, оббитый бок восьмёрки. За оградой стоял двухэтажный деревянный дом. Внизу светились два окна. К наружной лестнице жалось ведро с мокрыми листьями.

Алевтина Степановна открыла прежде, чем Вера дотянулась до кнопки.

— Всё-таки пришли. Ноги вытирайте, я только помыла.

На кухне пахло укропом и машинным маслом. Клеёнку под настольной лампой занимали половинки кофемолки, винтики в крышечке от банки и стопка квитанций. Хозяйка вернулась на табурет, подобрала отвёртку.

— Чай будете?

— Лучше сначала посмотрим ваши бумаги.

— Значит, будете. Чайник уже горячий.

Вера повесила куртку на спинку стула, отпила из предложенной чашки. В окне отражалась лампа; выше темнели две ветки.

— Вы же понимаете, архив не занимается трубами, — сказала Вера. — Я могу проверить границы, прежнюю нумерацию. Со стуком нужно в аварийную службу.

— Вы это мне уже днём говорили. Тогда с простого начнём. Считать вы умеете?

Алевтина Степановна пододвинула квитанции. Вера удержала ответ и достала блокнот.

В тетради хозяйки три ремонта остались без заказчиков. Расходы на детали были учтены, общая сумма сходилась. Рядом с работами — пустота.

— Могли забыть записать, — сказала Вера.

Хозяйка положила отвёртку.

— Могла. Вчера я пришла к этой же мысли. Только я ещё за электричество платила вместе с соседями. Они мне наличными отдавали, я одним переводом. Вот чек. Вот моё за месяц. Остальное за кого?

Вера проверила сложение. Разница была. Получатель, дата, сумма читались. Чья доля добавлена к хозяйской, чек не объяснял.

— Нужны отдельные начисления. По одному переводу нельзя установить...

— Я не прошу установить. Я прошу не рассказывать мне, что я забыла записать три ремонта и заодно заплатила за воздух.

Женщина не путала столбцы. Она уже проверила всё, что Вера собиралась ей предложить.

— Хорошо. Давайте по порядку. Когда вы заметили пустые строки?

— В воскресенье. А вчера утром ещё одна нашлась. Ручка та же, чернила везде есть. Тут нет.

С разрешения хозяйки Вера сфотографировала тетрадь, раскрыла план. Алевтина придерживала его крышечкой с винтами. Дом стоял верно. К сумме площадей Вера приписала вопросительный знак.

В трубе у мойки негромко щёлкнуло.

За первым звуком последовали два коротких удара. После паузы — ещё один, с дребезгом плохо закреплённого металла. Вера подошла к мойке. Кран был закрыт. На трубе холодной воды дрожала подвязанная бечёвкой жестяная пластинка.

— Это вы сделали?

— Чтобы слышнее было. В первую ночь думала, мышь.

— Снизу кто-нибудь живёт?

— В доме я одна. Наверху комната сына, он давно уехал. Под нами погреб.

Алевтина взяла отвёртку за стержень и дважды стукнула рукояткой по трубе. Вера невольно ждала ответа. Секунд через десять пластинка задребезжала снова: один раз, потом два.

— Так бывает от давления, — сказала она, но уже тише.

— Слышите? Я один раз ударю — и вы слышите давление. Два раза — тоже давление. А если вас в стене заколотят, как вам стучать, чтобы вызвали кого-нибудь?

Вера опустила перед мойкой. Труба не касалась шкафа, крепление держалось. Объяснить звук она не могла. Но из этого ещё не следовало, что кто-то отвечал.

— Давайте я запишу время. И вызовем службу, пока стучит.

Когда Вера выпрямилась, за окном стоял мужчина. Она отступила от мойки. Он постучал в стекло и указал на дверь.

— Это к вам?

Алевтина обернулась. Мужчина исчез из окна. Ударили в наружную дверь.

На телефоне было 03:08.

— Не открывайте пока.

Но хозяйка уже прошла в сени. Вера поспешила следом, на ходу сняв куртку со стула.

На пороге мужчина держался за перила. На рабочей куртке намок воротник; на щеке темнела полоска грязи.

— Вам нужно выйти, — сказал он. — Обеим. Сейчас.

Он сделал шаг вверх. Вера встала между ним и хозяйкой.

— Ещё шаг — я звоню в полицию.

Мужчина остановился, убрал руку с перил и спустился на ступеньку.

— Звоните. Только снаружи.

— Удостоверение покажите. Вы из аварийной службы?

— Нет. Меня Лев зовут.

— У нас ничего не течёт, — сказала Алевтина. — И газ перекрыт.

— Здесь дело не в газе. Сквозь карниз уже кирпичи видны. Дом пропадёт. У вас меньше девяти минут.

Алевтина потянулась к двери, собираясь закрыть. Лев не помешал.

— Пальто возьмите, — сказал он через сужавшуюся щель. — Обувь. Телефон. Документы, если под рукой.

Дверь захлопнулась. Хозяйка повернула замок.

— Надо же выдумать. Пропадёт у него.

Вера открыла набор номера. Что сообщить дежурному? Неизвестный велит покинуть дом. Она уже нажала первую цифру, когда Алевтина позвала:

— Вы сюда посмотрите.

Хозяйка стояла у стола и держала в обеих руках корпус кофемолки.

Через белую пластмассу Вера увидела рисунок клеёнки. Три зелёных листа, стебель, обрезанный краем стола. Алевтина повернула корпус. Рисунок не сдвинулся вместе с ним.

Вера коснулась пластмассы. Твёрдая, тёплая от лампы.

— Это свет, — произнесла хозяйка. — Что-то с лампой.

Вера заслонила лампу ладонью.

Листья остались видны.

Поверх веток в окне проступала кирпичная кладка — глухой торец за домом. Вера сместилась вправо. Ряды кирпичей оставались видны, хотя оконная рама ещё отбрасывала тень на подоконник.

Ей захотелось снова присесть перед трубой: там была задача, которую можно было решить руками. Вера поймала себя на том, что уже подбирает для отчёта слова «необычное освещение». Кофемолку всё ещё держала живая женщина, и сквозь неё была видна клеёнка.

— Одевайтесь, — сказала она.

Алевтина не пошевелилась.

— Алевтина Степановна. Ставьте это. Пойдёмте.

Хозяйка положила корпус на стол. Вера взяла папку и блокнот, поймала выпавшую из-под обложки тяжёлую латунную закладку.

Мать держала эту вещь между страницами рабочих тетрадей; Вера привыкла делать так же. Она прижала закладку к открытой странице и пошла за хозяйкой.

В сенях Алевтина натягивала пальто. Ботинок не принимал пятку. Вера оттянула задник, потом сама попала рукой мимо рукава куртки.

За дверью негромко сказали:

— Пять минут.

— Не командуйте, — отозвалась хозяйка.

Она выпрямилась, нащупала телефон в кармане пальто и вернулась к кухне.

— Очки на столе.

Алевтина уже открыла дверь. Вера увидела край стола: на нём лежали очки в розовом пластиковом футляре. До них было шага три. Между столом и дверью проступала тёмная земля.

Под ногами оставались крашенные доски. Сквозь них виднелись комья и светлая полоска корня. Вера провела подошвой по доске. Та скрипнула.

Алевтина шагнула вперёд.

Сунув папку под мышку, Вера зажала блокнот левой рукой, а правой взяла женщину выше локтя.

— Оставьте очки.

— Я без них ничего...

— Я прочту. Всё, что понадобится. Идёмте.

Хозяйка упёрлась в косяк. Вера потянула сильнее, боясь причинить боль. Алевтина сама отняла руку от дерева.

— Кофемолку выключить.

— Она разобрана.

Женщина посмотрела на неё и кивнула.

Снаружи Лев стоял сбоку от лестницы. Он подал Алевтине предплечье. Она приняла опору и переставила ногу на первую ступеньку.

— Держатся? — спросила Вера.

— Пока да. Ближе ко мне.

Вера спустилась последней. На телефоне было 03:16. Убрав его в карман, она перевернула блокнот на чистую страницу. Латунь лежала под левым большим пальцем. Мокрая манжета цеплялась за бумагу.

«27 октября. Тихий переулок, 8. Алевтина Степановна. Стук в трубе. Вышли в 03:16».

Рука вывела последнюю цифру с длинным хвостом. Вера перехватила блокнот, зажав металл и страницу всей левой ладонью, и сунула ручку в карман.

— Ещё сюда, — сказал Лев.

Они прошли через калитку на противоположный край переулка. Вера встала рядом с Алевтиной. Перед ними были светлые окна, водосточная труба, чёрный второй этаж. Синяя табличка над звонком.

Алевтина стала искать что-то в кармане пальто.

— Ключ-то зачем я взяла.

Свет в окнах исчез.

Вера не увидела, как погасла лампа. Жёлтые прямоугольники разом стали плоскими, без подоконников и глубины за стеклом. Лестница ещё спускалась к дорожке, но между ступенями уже не было теней. Через перила проходил косой блик уличного фонаря.

Она крепче стиснула блокнот. Край металла вдавился в ладонь.

Дом не падал. Сквозь крышу и кухонную стену проступала кирпичная кладка. Нижняя ступенька кончалась землёй; следующая повисла тонкой полосой и пропала. Вера ждала удара, треска досок, чего угодно, от чего можно было бы отшатнуться.

Перед ними был пустой участок.

На нём лежало ведро с листьями, теперь в нескольких шагах от уцелевшей калитки. Вода капала с его края. Ближе к середине тянулись тёмные полосы фундамента. Между ними блестела глина.

Алевтина шагнула обратно через дорогу. Вера схватила её за рукав свободной рукой.

— Там яма. Подождите.

— Там кухня.

Женщина освободила рукав и дошла до калитки. Лев двинулся за ней. Вера смотрела на фундамент. Она знала, где стоял стол. В горле ещё держалась терпкость слишком крепкого чая.

Телефон показывал 03:17.

Дежурный спросил, что случилось. Вера сказала адрес и замолчала.

— Пожар? Обрушение?

— Дом исчез. Только что. Двое свидетелей, кроме меня. Людей из него вывели.

Алевтина стояла за калиткой и тёрла ключ пальцем.

— Вы сейчас в безопасном месте?

— Да. На улице. Тихий переулок, возле дома 8.

Дежурный записал её имя, попросил оставаться на месте. Ровный голос помогал не смотреть на землю, которая минуту назад была кухонным полом.

До приезда машины Алевтина дважды подошла к фундаменту. Спросила, не вывернули ли свет на всей улице. Потом сказала, что наверху остались фотографии. От куртки Веры отказалась, села на бетонное основание ограды.

Лев присел рядом, не касаясь её.

— Кто-нибудь ещё был в доме?

— Я же сказала, одна.

— Кошка? Собака?

— Нет у меня никого.

Вера поняла, что этот вопрос следовало задать ей.

Патрульная машина остановилась у калитки в 03:34. Полицейский за рулём остался у рации; второй вышел с фонарём.

— Что произошло?

Алевтина поднялась.

— Костя. Ты посмотри.

Полицейский повернул к ней свет, сразу отвёл луч от лица.

— Вы кто?

— Костя, не дури. Алевтина я.

Он помедлил.

— Мы знакомы?

Женщина сунула ключ в карман.

— Я тебе в марте насос делала. Ты ещё с мальчишкой привозил. Маленький такой, в синей шапке. Всё пальцами лез, пока ты...

— Вы адрес назовите, пожалуйста.

— Вот мой адрес!

Она ткнула рукой в пустоту.

Вера показала удостоверение сотрудника архива. Назвала себя, затем медленно повторила, что видела. Полицейский записал её данные. На словах о прозрачной стене ручка остановилась.

Второй полицейский вышел из машины и заглянул через калитку.

— Тут давно снесено, — сказал он. — Чего смотреть?

Вера развернула план на капоте. Там, где она помнила контур дома, осталась светлая поверхность. Она поднесла лист к фаре. Дождевые точки, линии ограды, соседний номер. Ничего между ними.

— Здесь был дом, — сказала она. — На этой копии. Вчера распечатала.

— Есть документы? — спросил он у Алевтины.

— В сумке. Дома.

Они молча посмотрели на участок.

По радиации уточняли адрес: восьмой не числится; есть шестой, дальше десятый.

Лев назвал полицейскому своё имя и отступил к фонарю. Смотрел он на левую руку Веры.

Разжав пальцы, она увидела под латунью собственные слова: адрес, имя, 03:16. Всё, что записала, осталось.

— Вот, — сказала она полицейскому. — Я написала это там, у лестницы.

Он прочёл.

— Я внесу в объяснение. Но это ваша запись.

Вера хотела возразить и не смогла. Именно так она ответила бы посетителю архива.

Предложили скорую. Алевтина отказалась. По просьбе Веры полицейский снял участок на служебный телефон и сообщил номер обращения. Она записала его ниже прежних строк. Он спросил, есть ли у женщины место для ночлега.

— У меня, — сказала Вера.

Алевтина подняла голову, но промолчала.

К четырём машина уехала. Им сказали не заходить за ограду и днём обратиться в отдел.

Лев поднял с земли выпавшую из папки прозрачную обложку и протянул Вере. Прежде чем отдать, стряхнул с неё воду в сторону, чтобы не попасть на блокнот.

— Эту вещь завтра ночью держите в руке, — сказал он, глядя на латунь. — В 03:17. Не выпускайте.

— Откуда вы знаете про неё?

Он провёл ладонью по мокрому лицу.

— Видел похожую.

— Она что-то сделала?

— Вы помните дом. И её. Я хочу понять почему.

— А вы почему помните?

Он посмотрел на Алевтину, потом снова на Веру.

— У меня тоже был дом. Свой я помню. Про этот вы сейчас заново рассказали полиции. Спросить ещё Вера не успела: хозяйка подошла к ним, держа телефон двумя руками.

— Сыну позвоню. Пусть купит билет. У него там время другое, уже утро.

Она стала набирать номер по памяти. Вера отвернулась. На её собственном телефоне было 04:10. Ещё оставалось вызвать такси, довезти женщину к себе, найти чистое бельё. Где-то были старые материнские очки. Неизвестно, подойдут ли.

— Саша? — сказала Алевтина.

Ответа Вера не разобрала.

— Сашенька, ты не пугайся. Я на улице. Тут такое случилось. Ты только сначала послушай.

Женщина отняла телефон от уха, проверила экран и приложила снова.

— Как какая? Мама.

Вера обернулась. Алевтина смотрела прямо перед собой. Палец с обломанным ногтем осторожно прибавил громкость.

Теперь голос был слышен всем троим.

— Откуда у вас мой номер?

Глава 2. Человек без графы

В адресной книге между шестым и десятым домами был обычный интервал.

Вера подвела под него линейку. Ни вырезанной страницы, ни смытого текста. Число листов совпадало с описью. В электронном указателе Тихий переулок, 8 тоже не находился.

Пробило девять. Она поспала меньше трёх часов и теперь проверяла каждый шаг: тот ли год, тот ли фонд. Ввела адрес дома напротив. Нашёлся сразу.

На столе лежал блокнот с ночной записью.

Алевтина осталась на Садовой. В такси молчала; дома долго отмывала руки. Материнские очки ей не подошли. Вера постелила на диване, но женщина просидела до утра на кухне. Уходя, Вера оставила запасной ключ и свой номер, написанный крупно на конверте.

Теперь вместо адреса попадались пустые графы. В инвентарной ведомости за ними стояла итоговая площадь, не сходявшаяся с остатком таблицы. Вера набрала сумму на калькуляторе. Сбилась, начала сначала.

— Вера Сергеевна, вы на часы смотрели?

Серов поставил портфель на соседний стул. На стекле очков сохла капля дождя.

— Снова всю ночь работали?

— До половины третьего. Потом ушла к посетительнице.

Она рассказала о доме. Серов снял пальто, поправил у окна горшок, убрал с подоконника ком земли. Вера злилась: ей приходилось произносить всё это перед человеком, занятым цветком.

Закончив, она пододвинула блокнот.

Серов прочёл. К плану, где исчез контур дома, не прикоснулся.

— Вы обращались в полицию?

— Да. Номер есть. И я понимаю, как это звучит.

— Я ничего не сказал о том, как это звучит. Давайте сперва установим, какие материалы у нас есть.

Он придвинул стул. От этой обычной рабочей интонации Вера едва не почувствовала облегчение.

— Мне нужны подворные списки и ранние межевые планы. Не только указатель.

— Возьмите то, что выдано в зал. Нижнее хранилище сегодня закрыто, там не закончена сверка. Запросы оставьте мне.

— До вечера?

— Я посмотрю, что можно поднять. Но после обеда вы пойдёте домой. Ошибки от недоосыпа ещё никто не отменял.

Вера взялась за линейку. Серов не уходил.

— Когда это случилось, что у вас было в руках?

— Блокнот.

— Только блокнот?

Она подняла голову. Он смотрел на ночную страницу, и Вера невольно прикрыла её ладонью. Латунная закладка лежала под обложкой.

— Папка ещё. А почему?

— Вы говорите, лист сохранился, а копия плана изменилась. Имеет смысл точно восстановить обстоятельства.

О закладке Вера не сказала.

Серов попросил сообщать ему о находках и унёс пустой стакан, простоявший у её локтя со вчерашнего вечера.

К половине одиннадцатого в нескольких делах нашлись только пустые графы и несовпадающие суммы. Ни одно пустое место не объясняло, куда делась женщина с хозяйским ключом в чужой квартире.

Вера позвонила Инне.

— У меня человек. Нужно на несколько дней найти, где ей пожить.

— Доброе утро. А тебе самой уже негде?

— Это не мне. Пожилая женщина. Дома нет, документы остались внутри. Я объясню.

— Привози. Только объяснять будешь до того, как убежишь по делам.

Оформив возврат книг, Вера спустилась. У стеклянной двери стоял Лев с пустым бумажным стаканчиком. Под глазами залегли тени.

— Вы на работу всё-таки пришли.

— Вы откуда знаете, где я работаю?

— Ночью удостоверение показывали.

Она вспомнила корочку в свете фар.

— Я не могу сейчас разговаривать.

— Пять минут. Потом скажете, когда.

Вера осталась у двери, так, чтобы вахтёрша видела их обоих.

Лев протянул раскрытый паспорт. На фотографии был он, моложе и без щетины. В строке фамилии стояло серое пятно. Имя и отчество нельзя было прочесть. Вера провела пальцем по целой, ровной бумаге.

— Вода?

— Нет. Остальные страницы можете посмотреть.

Возвращая паспорт, она заметила, что протёрла палец о юбку.

Лев убрал документ.

— Орлов Лев Андреевич. Тридцать четыре года. Жил на Набережной, 6. Двадцать четвёртого октября вышел проверить наружный вентиль. Жалоба была на напор. Вернулся — дома нет.

— Кто видел?

— Из тех, кого я знаю, никто больше не помнит. Вы хотите фамилии? Я дам. Они скажут, что со мной не знакомы.

— А вы их помните.

— Помню.

— И Алевтина сына помнит.

Он кивнул.

— Ночь на двадцать пятое провёл у знакомого. Наутро тот собирался вызвать полицию. Я ещё его одеяло складывал, когда он спросил, как я попал внутрь.

— Вы хотите сказать, это происходит снова?

— Каждую ночь. После 03:17. Днём можно договориться. Утром приходится начинать сначала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.